

Система карантинной Российской империи на Черном море в первой половине XIX в.: рецепция и реализация

Научный руководитель – Лоскутова Марина Викторовна

Петренко Екатерина Дмитриевна

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» -
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: petrenko.katarina@mail.ru

Первая половина XIX в. в Российской империи характеризовалась продолжающимся институциональным и правовым вниманием к военно-морской медицине, что является популярной темой исторических исследований последних десятилетий. Однако первая половина XIX в. - это также время развития карантинной системы, которое совпало с волной эпидемических вспышек на территории империи.

Балтийский регион принадлежал России с первой четверти XVIII в., но к началу XIX в. он все еще не имел собственных карантинных таможен и служб: уже созданные карантинные дома были недействительными, а новые проекты карантинных еще не были осуществлены [1, с. 232-233]. Прибывающие в портовые города Балтики корабли должны были иметь при себе освидетельствование из карантинных служб Дании, Норвегии или Англии об отсутствии заразы на корабле [1]. Это приводит к тому, что как такового полноценного опыта масштабной организации карантинной морской службы к началу XIX в. Российская империя не имела. Однако именно в первой половине XIX в. этот опыт был необходим для обустройства закрепляющихся за империей с конца XVIII в. территорий на Черном море.

В выбранный период времени черноморский регион являлся зоной активных военных действий, которые в свою очередь способствовали распространению эпидемических заболеваний (например, чумные вспышки периода Наполеоновских войн, чума периода русско-турецкой войны 1828 - 1829 гг., появление на территории России азиатской холеры в 1830-х гг.). Таким образом, руководство империи столкнулось с необходимостью создания собственных карантинных служб на Черном море для ограждения империи от проникновения в нее инфекционных заболеваний и для закрепления за собой посредством медицинской полиции южных территорий [11, 12]. Неосуществленные карантинные проекты балтийского региона предполагают наличие трансфера практических знаний для организации карантинных служб и санитарных зон в черноморском регионе, что и является объектом исследования этой работы.

В зависимости от исторического периода популярностью пользовались разные карантинные системы. С XIV в. довольно распространена была система карантинных венецианского типа, в конце XIX в. в Египте доминировали французские карантинные службы [8, с. 84]. В свою очередь источники наталкивают на мысль, что Российская империя перенимала английский опыт [3, 5], когда в черноморском регионе шел процесс организации карантинных застав [1, 4, 6, 7]. Таким образом, главный вопрос этого исследования - каким образом и в каком качестве происходила рецепция карантинных и связанных с этим медицинских знаний и как это адаптировалось к российской действительности первой половины XIX в.

На эту тему в историографии существует заметная лакуна: несмотря на продолжающуюся систематизацию институциональной истории медицины XIX в. в Российской им-

перии, карантин практически не является самостоятельным объектом изучения исследователей. Карантин - лишь институциональный элемент противоэпидемических мер в моменты вспышек массовых заболеваний. Происхождение и организация карантин исследователями не рассматривались, а уделялось внимание лишь правовому аспекту этой темы [2]. В зарубежной же историографии можно встретить пример подробного изучения английской системы санитарных и карантинных зон [9, 10].

Вышеописанная ситуация привела к тому, что это исследование строится на анализе корпуса источников из Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), где представлены делопроизводственные документы и переписки различных государственных чинов и институтов. Беря в фокус исследования не столько черноморский регион, сколько г. Севастополь как важный развивающийся портовый город первой половины XIX в., я провожу сравнение российских источников с карантинной системой в Англии на основе доступной литературы. Я также отхожу от рассмотрения территории черноморского региона только как фронта модернизирующейся империи, где в центре внимания взаимоотношения с Османской империей [11] или политическое закрепление территории за Российской империей посредством проведения ряда реформ [12]. Этот регион рассматривается мной с точки зрения рецепции медицинских и институциональных знаний и адаптации их для использования на территории Российской империи; это «the unit» [11], существующий на пересечении потоков знаний, людей и дискурсов, что отразилось также и на организации карантинного режима.

Источники и литература

- 1) Афанасьева К.В. Состояние военно-морской медицины в царствование Александра I. S.a., s.l. С. 226–251.
- 2) Золотухина П.С. Правовой статус карантинной стражи в Российской империи в начале XIX века // Таврический научный обозреватель. 2016. №4 (9).
- 3) РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1-1. Д. 67. Об устройстве английских госпитальных кораблей и рассмотрении сего предмета в комитете, учрежденном для морских госпиталей.
- 4) РГАВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 767. Заключение доктора К. О. Розенбергера на проекты Медицинского совета о системе карантин.
- 5) РГАВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1365. Выписки из книги 'General Baird of health' London', 1849 г., королевских узаконений в Англии.
- 6) РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4151. О карантинах в Черноморских портах.
- 7) РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4186. О учреждении в Севастополе карантин и штате его.
- 8) Echenberg M. Plague Ports: The Global Urban Impact of Bubonic Plague. New York: New York University Press, 2010.
- 9) McDonald J.C. The History of Quarantine in Britain during the 19th Century // Bulletin of the History of Medicine. January-February, 1951. Vol. 25. No. 1. p. 22– 44.
- 10) Mullet Ch.F. A Century of English Quarantine (1709 – 1825) // Bulletin of the History of Medicine. November-December, 1949. Vol. 23. No. 6. P. 527–545.
- 11) Robarts A. Migration and disease in the Black Sea Region: Ottoman-Russian relations in the late eighteenth and early nineteenth centuries. London: Bloomsbury Academic, 2018.

- 12) Taki V. Between Polizeistaat and Cordon Sanitaire: Epidemics and Police Reform during the Russian Occupation of Moldavia and Wallachia, 1828–1834 // *Ab Imperio*. 2008. 4. P. 75–112.